

Гу Шаобай сложил руки в приветствии и с улыбкой произнес:

— Брат Сяо, что вы говорите! С таким количеством друзей вокруг вас, я бы не хотел вам мешать.

— Неужели? А мне кажется, что молодой господин Гу всегда смотрит свысока и не замечает других, — Сяо Жуань не собирался так просто отпустить его, продолжая наступать. С одной стороны, в Цзинлине второй сын Гу Шаобай всегда стоял перед ним в рейтинге, а с другой — из-за «дела о фальшивых лекарствах» семья Сяо оказалась в опале, и он несколько лет держался в тени. Теперь, воспользовавшись поддержкой князя И, семья снова поднялась, а его дед был удостоен титула первого ранга. Теперь семья Сяо уже не та, что раньше, и он, конечно, должен был воспользоваться случаем, чтобы хорошенько проучить Гу Шаобая.

Гу Шаобай продолжал улыбаться. Переродившись, он прекрасно понимал, что лучше сдерживать гнев, чтобы избежать будущих неприятностей. К тому же, в данный момент словесные перепалки были совершенно бесполезны.

— Должно быть, это я совершил какую-то глупость, что брат Сяо так неправильно меня понял, — с легкой улыбкой на лице сказал Гу Шаобай. — Это действительно моя вина, и я приношу свои извинения.

На лице его была улыбка, но в душе он проклинал все на свете. Сказав это, он взял за руку Мо Жаня и собрался уйти, но, сделав несколько шагов, Сяо Жуань догнал его и встал на пути.

— В таком случае, объясни, почему, только увидев меня, ты громко чихнул? — с саркастической улыбкой спросил Сяо Жуань. — Может быть, от меня исходит какой-то особый запах, который тебя раздражает?

Гу Шаобай на мгновение замер, но затем улыбнулся:

— Говорят, «улыбка среди бамбуковых изгородей, а персики и сливы на склонах гор кажутся грубыми». Я, простой смертный, увидев такого прекрасного, как бессмертный, брата Сяо, не смог сдержать восторга.

Сяо Жуань, видя, что Гу Шаобай повсюду уступает, не нашел больше повода для спора и, смущенно, вместе с остальными вошел в ресторан.

Гу Шаобай развернулся, взял за руку ошеломленного Мо Жаня и медленно пошел вдоль улицы.

Долгое время Мо Жань смотрел на Гу Шаобая, как будто видел его впервые. Гу Шаобай стукнул его по лбу:

— Ты что, с ума сошел?

Мо Жань был в полном недоумении:

— Шаобай, раньше, столкнувшись с таким, ты бы обязательно ответил колкостью. Что с тобой сегодня?

Гу Шаобай опустил голову, внезапно остановился, в его глазах замерла глубокая печаль, и он тихо сказал:

— Если я не могу проглотить такое унижение, то что я вообще могу сделать?

Мо Жань был ошеломлен. В одно мгновение ему показалось, что он не знает этого человека.

Их фигуры постепенно удалялись. У обочины дороги стоял небольшой паланкин, из которого раздался вздох. Поднятая занавеска медленно опустилась. Через некоторое время изнутри послышался низкий голос:

— Лэн Дун, информация неточна, ты подвел.

Стоявший рядом молодой человек в черной одежде напряг свое строгое лицо еще больше, слегка поклонился и сказал:

— Князь, Лэн Дун готов принять наказание.

Двое носильщиков понесли легкий паланкин в сторону княжеской резиденции. Внутри, с закрытыми глазами, Му Цинфэн снова прокрутил в голове только что увиденное: спокойный профиль юноши с улыбкой на лице и его внезапно замолчавшее, серьезное выражение.

Му Цинфэн медленно выдохнул. Гу Шаобай, ты действительно очень интересный! Хочется снять с тебя все маски и посмотреть, что скрывается внутри.

Вернувшись домой, Гу Шаобай отвел Фан Цинчи в сторону и показал ему новую диковинку.

Фан Цинчи несколько раз повертел веер в руках:

— Хм, неплохо. В мире боевых искусств есть несколько мастеров, использующих веер в качестве оружия, но их веера обычно сделаны из стали, и внутри могут быть спрятаны скрытые механизмы, но они точно не будут легкими. Такой изящный веер — редкость. Механизм также разработан с умом, сочетая в себе функциональность и эстетику. Твой друг действительно обладает необычным талантом.

Гу Шаобай тоже не мог оторвать глаз от веера, и его мнение о Мо Жане значительно улучшилось. С сожалением он сказал:

— Но он не умеет делать скрытые механизмы, и такая красота останется невостребованной.

Фан Цинчи внимательно измерил размеры пазов и сказал:

— Сделать такие механизмы несложно. Доверь это мне.

Гу Шаобай загорелся:

— Правда? Это замечательно.

Внезапно он вспомнил что-то и спросил Фан Цинчи:

— А как насчет мастеров боевых искусств? Можно ли с помощью этого оружия одолеть их с одного удара?

Фан Цинчи задумался:

— Скрытое оружие — это оружие неожиданности. Даже самый искусный мастер, если он не готов, может попасть в ловушку. Но если он уже настороже, то будет сложно. Твой механизм работает без вложения внутренней силы, так что обычного человека он может сразить, но против мастера... вряд ли.

С каждым словом сердце Гу Шаобая холодело, и в итоге весь его энтузиазм был полностью погашен.

Без защиты? Значит, ему нужно будет самому лезть в постель к Му Цинфэну, чтобы добиться успеха? Ну уж нет, этот волк, который пожирает и не оставляет костей, вероятно, даже во сне держит третий глаз открытым! Убийство князя — это преступление, за которое его семья будет уничтожена!

Яркая луна сияла, звезды плыли на запад. Тонкая полоска огня взмыла в небо, пронзив ночь, и вспыхнула ярко-желтым лучом.

Городские стены погрузились в ночь, удары барабанов и звуки рогов раздавались в пятом часу. Фан Цинчи стоял на узком гребне крыши, ветер развеивал его одежду. Вдалеке черная фигура, словно лебедь, взлетела и опустилась, и в мгновение ока оказалась рядом.

На его лице все еще была беззаботная улыбка, красота его лица соперничала с сиянием звезд. Кто бы мог подумать, что глава Башни Черных Одежд окажется таким очаровательным красавцем.

— Сяо Фан, зачем ты так срочно вызвал меня?

— Почему ты еще не уехал? Я подавал сигнал, чтобы вызвать одного из наших, но не ожидал, что придешь ты, — сказал Фан Цинчи, передавая ему веер. — Сделай несколько скрытых механизмов по этим размерам.

Цзи Цзяньчэнь бегло посмотрел и улыбнулся:

— Это, должно быть, очередная затея того молодого господина, верно? Он действительно мастер на выдумки! Нужно ли отравлять механизмы? Каким ядом?

Фан Цинчи подумал и ответил:

— Не нужно. Он не умеет обращаться с оружием, может случайно поранить себя.

Цзи Цзяньчэнь спрятал веер за пазуху, не прощаясь, и в несколько прыжков исчез.

Ночь была густой, крыши домов, близкие и далекие, высокие и низкие, казались бесконечными горами.

Фан Цинчи стоял, заложив руки за спину, словно вернувшись в глубины Башни Черных Одежд, окруженной горами.

Многоэтажные здания, залитые лунным светом, словно покрытые серебряным снегом.

Миньюэ был в полном недоумении, не понимая, что происходит с третьим молодым господином в последнее время. Он то и дело совершал неожиданные поступки.

Например, сейчас он спокойно сидел за столом и читал книгу. Увидев, как Миньюэ вошел и подал ему свиток, он даже не успел открыть рот, как Гу Шаобай странно вскрикнул, затем швырнул себя на кровать, накрылся одеялом и, подергивая плечами, то ли плакал, то ли смеялся!

— Молодой господин, молодой господин... — позвал его Миньюэ несколько раз, но Гу Шаобай вообще не обращал на него внимания. Тогда он положил свиток на стол и громко сказал:

— Молодой господин, господин Чжоу Фэн прислал этот свиток и сказал, что через три дня придет паланкин, чтобы забрать вас в усадьбу Чжоу для беседы.

Сказав это, Минъюэ, не дожидаясь реакции, выбежал из комнаты играть.

Прошло время, достаточное для того, чтобы выпить чашку чая, прежде чем Гу Шаобай скинул одеяло и сел. Он тупо смотрел на свиток на столе, как бабочка, которая слишком рано вышла из кокона и теперь обречена на смерть!

Медленно развернув свиток, он узнал его, даже если бы его сожгли в пепел. Это была центральная картина на стене в лавке «Фаньюань».

«Глубоко осознавая, что любовь вечна, с тоской смотрю на шум реки у ее истоков»... Гу Шаобай не смог сдержать горького смеха. Этот свиток, словно прилив, вынес на поверхность те смутные воспоминания, глубокие и неглубокие, далекие и близкие, такие яркие, словно они произошли вчера.

—

— Так это ты написал тот свиток? Шрифт сильный, проникающий сквозь бумагу, действительно неплохо!

— Да. Ты заметил это в тот день?

— Да...

— Я повесил его там, чтобы найти того, кто поймет. Ты вошел, не глядя на другие картины, и сразу посмотрел на мой свиток. Я понял, что нашел того, кто поймет.

— Ну, не зазнавайся. Я просто заметил, что на нем нет подписи и комментариев, и не знал, кто его написал, поэтому обратил на него внимание. Ты только начал хвастаться, и уже зазнался...

Гу Шаобай сжал руки на столе так сильно, что готов был разорвать свиток. Но даже если бы он разорвал его на куски и превратил в пепел, каждый штрих, проникающий сквозь бумагу, навсегда остался бы в его сердце, не стираясь ни на йоту.

...

<http://bllate.org/book/16730/1538548>